

Ян Флеминг Агент 007 в Нью-Йорке

* * *

Было где-то десять утра, на дворе стоял конец сентября, все тонуло в голубых и золотых красках. Почти одновременно с "Монархом" авиакомпании "БОАК" в аэропорт прилетело еще четыре самолета, следовавших международными рейсами. Джеймс Бонд, испытывая легкую тошноту от того набора продуктов, который, по мнению "БОАК", является "английским загородным завтраком", стоически занял место в длинной очереди, добрую половину которой составляли горланящие дети. Когда подошел его черед, Бонд заверил служащих Санитарного контроля, что последние десять ночей провел в Лондоне, после чего – стойка Иммиграционного контроля, где целых пятнадцать минут изучали его паспорт, в котором говорилось, что он Дэвид Барлоу, коммивояжер, что у него такого-то цвета глаза, такого-то цвета волосы, и рост – шесть футов. Затем – преисподняя айдлвильдского Таможенного контроля, в которой, по мнению Бонда, все было тщательно предусмотрено для того, чтобы у каждого прилетевшего в Соединенные Штаты вызывать тромбоз с летальным исходом. После ночного перелета у всех пассажиров, стоявших с идиотскими тележками-карзинками, был жалкий, разбитый вид. Когда наконец на дорожке застекленного конвейера появился чемодан Бонда, служащий вежливо вручил его Джеймсу, и тот начал проталкиваться и пропихиваться к таможенным стойкам, заваленным всевозможными сумками. Каждому приходилось открывать свой багаж, передавать таможенникам на досмотр (почему не проверять выборочно?), после чего закрывать обратно – процесс, зачастую сопровождавшийся затрещинами, которые отдельным пассажирам периодически приходилось отвешивать своим непоседливым детям. Бонд взглянул на застекленный балкон, протянувшийся по всему периметру огромного зала. Его внимание привлек человек в плаще и мягкой фетровой шляпе, который изучал в театральный бинокль царивший внизу организованный ад. Любой, кто пристально смотрел на Джеймса Бонда, и уж тем более в бинокль, заслуживал подозрения, но этого человека мозг секретного агента посчитал лишь крепкой ниточкой, которая вела в сердце какой-нибудь банды грабителей постояльцев отелей, работавшей, как тщательно отлаженный механизм: человек с биноклем приметит богатого вида дамочку, декларирующую свои драгоценности, спустится вниз, когда ту отпустят таможенники, проследит ее до Нью-Йорка и пристроится рядом у регистрационной стойки, чтобы услышать, какой номер она назовет метрдотелю, остальное – дело техники. Бонд пожал плечами. По крайней мере, на первый взгляд, этот человек следил не за ним. Вежливый клерк со значком на груди вручил Бонду его чемодан, и он, весь потный (в помещении непонятно зачем было включено центральное отопление), вышел через автоматические стеклянные двери на улицу, где его окатило благословенным свежим воздухом. "Кадиллак" туристического агентства "Кэри" уже ждал его. Джеймс Бонд всегда пользовался услугами только этой фирмы. У них были прекрасные автомобили и отличные водители: дисциплинированные, вежливые и не кутившие сигар. Интересно, подумал Бонд, если бы в фирме командера Кэри догадались, что Дэвид Барлоу и Джеймс Бонд – одно лицо, поступились бы они своими принципами, сообщив о нем в ЦРУ? Без сомнения, для агентства командера Кэри интересы Соединенных Штатов превыше всего, но с другой стороны, знали ли они вообще, кто такой Джеймс Бонд? В Иммиграционном контроле точно знали. Проверая его паспорт, служащий сверился с толстенной черной книжицей, чьи желтые страницы были

испещрены фамилиями. Бонд знал, что в книге было записано три Бонда и что напротив одного из них значилось следующее: "Имя: Джеймс. Великобритания. Паспорт N 2111977. Оповестить дежурного". Насколько тесно агентство "Кэри" сотрудничало с Иммиграционным контролем? Скорее всего, лишь в тех случаях, когда этого требовала полиция. Тем не менее Джеймс Бонд был твердо уверен, что спокойно проведет в Нью-Йорке двадцать четыре часа, войдет в контакт с объектом и вновь покинет эту страну без приключений, успешно избежав неприятного разговора с господами Гувером и МакКоуном. Бонд находился в Нью-Йорке инкогнито, поскольку дело, порученное ему "М", было неприятным и довольно щепетильным. Он должен был предупредить одну милую девушку, англичанку, бывшую сотрудницу Сикрет Сервис, работавшую теперь в Нью-Йорке, что мужчина, с которым она живет, – агент КГБ, внедренный в ООН, и что ФБР и ЦРУ вот-вот установят ее личность. Конечно, действовать за спинами двух дружеских спецслужб – грязное дело, поэтому было бы очень неприятно, если бы Бонда раскусили, но эта девушка когда-то являлась первоклассным штатным сотрудником, а "М" всегда старался по возможности присматривать за своими людьми. В итоге Бонду приказали встретиться с ней, и он договорился о встрече: три часа дня, Центральный зоопарк (место показалось ему весьма подходящим), у входа в серпентариум.

Бонд нажал на кнопку, опустив стекло, разделявшее салон от водителя, и наклонился вперед:

– Отель "Астор", пожалуйста.

– Слушаюсь, сэр. – И огромный черный автомобиль петляя вырулил из зоны парковки аэропорта на скоростное шоссе Ван-Вик, которое находилось на реконструкции по случаю Международной ярмарки 1964-1965.

Джеймс Бонд откинулся на спинку кресла и закурил последнюю оставшуюся сигарету "Морланд Специалс". К ленчу он уже перейдет на "Честерфилд"... Отель "Астор". Он был ни чуть не хуже остальных, к тому же Бонду нравились каменные джунгли Таймс-сквер: уродливые сувенирные лавки, дорогие ателье, громадные автоматы с едой, гипнотизирующие неоновые рекламы, одна из которых представляла собой слово "БОНД", написанное буквами высотой чуть ли не с милю. Именно здесь было самое нутро Нью-Йорка, его пульсирующие вены! Остальные любимые кварталы Бонда в корне изменились: Вашингтон-сквер, "Баттери", Гарлем, куда теперь без паспорта и двух детективов не стоило и соваться. А "Савой"! Как же там весело было когда-то! Прежним остался, правда, Центральный парк, который сейчас, наверное, был в расцвете своей красоты – пышным и ухоженным. Что касалось отелей, они тоже изменились: "Ритц Карлтон", "Сент-Реджис" ушли из жизни вместе с Майклом Арленом. Прежним оставался, пожалуй, лишь один "Карлайл". В остальных было все одно: бесшумные лифты, комнаты с затхлым воздухом, напоминавшем о старых сигарах, нерадушные "пожалуйста, сэр", слабенький кофе, голубовато-белесые вареные яйца на завтрак (Однажды, когда Бонд снимал в Нью-Йорке маленькую квартиру, он везде пытался найти коричневые яйца, пока один из продавцов не сказал ему: "Мы не торгуем ими, мистер. Люди думают, что они грязные".) и сыроватые тосты (должно быть, корабль поставляющий их, затонул еще во времена Колонизации)! Да что там говорить! Отель "Астор" ни чуть не хуже любого другого.

Бонд взглянул на часы. К одиннадцати тридцати он будет уже на месте. Затем надо будет быстро пройтись по магазинам, но только очень быстро, поскольку теперь там нечего покупать: товары, произведенные не в Европе, были низкого качества, за исключением лучшей в мире садовой мебели, а у Бонда не было собственного садика. Поэтому сперва – в аптеку, чтобы прикупить полдюжины несравненных зубных щеток "Овенс"; затем – в "Хоффриц", на Мэдисон-авеню, чтобы приобрести их замечательный бритвенный станок с тяжелыми зубьями, который был выполнен в

стиле старенького "Жиллета", но заметно превосходил его по качеству; потом в "Триплерс" – купить носков для гольфа фирмы "Изод"; и в "Скрибнерс", последний оставшийся в Нью-Йорке приличный книжный магазин (у одного из их продавцов хороший нюх на крепкие триллеры). Ну а напоследок нужно заскочить в спортивный магазин "Аберкромби", чтобы посмотреть на новые тренажеры и назначить на вечер свидание Соланж, которая как раз работала там в одном из отделов.

"Кадиллак" неся вдоль огромной автомобильной свалки, покореженные корпуса машин, сверкая хромом, завистливо смотрели ему вслед. Куда деваются эти перекрашенные "железные скакуны", после того как погода окончательно разъедает их внутренности? Где их хоронят? Не полезнее ли топить их в море для предотвращения размывания береговой почвы? Нужно будет черкнуть письмо в "Геральд Трибун"!

Теперь вопрос где перекусить. С ужином все просто: он сводит Соланж в "Латис" – один из лучших в мире ресторанов. Но где же ему съесть ленч? В былые времена Бонд, несомненно, отправился бы в ресторан "21", но даже эту цитадель уже давным-давно оккупировала богатая аристократия, повысив цены и, в виду отсутствия вкуса, понизив качество пищи. Тем не менее он все равно сходит туда, хотя бы просто ради того, чтобы потрянуть стариной, выпив в баре пару сухих коктейлей "martini" (взболтанный джин "Бифитр" с вермутом, украшенный долькой лимона). Ну а после... Может быть, отведать лучший деликатес в Нью-Йорке – похлебку из устриц в сметане, с крекерами и пивом "Миллер" в баре "Устрица" на Гранд-центральной? Нет, ему не хотелось сидеть в баре. Вот если бы найти какое-нибудь уютное, но просторное местечко, где можно спокойно посидеть и почитать газетку... Да! Точно! "Зал короля Эдуарда" в "Плаце"! Угловой столик. Его там никто не знает, зато он точно знает, что в "Плаце" можно хорошо поесть. Не то что в "Шамборе" или "Павильоне"! Там он выпьет еще один коктейль, а затем закажет копченую лососину и яичницу, сделанную по рецепту, которому он однажды научил их главного официанта (Феликс Лейтер был с ним лично знаком). Решено! Ему придется попробовать их копченую лососину. Раньше в "Зале короля Эдуарда" подавали шотландскую лососину, а не канадскую, которая была сухой и безвкусной. В Штатах, подумал Бонд, умеют готовить только бифштекс и морские блюда, остальное может катиться ко всем чертям! И все продукты так долго хранятся замороженными в этих "коммунальных моргах для пищи", что теряют сочность, за исключением, наверное, итальянских, отчего все блюда здесь имеют какой-то одинаковый нейтральный вкус. Интересно, когда последний раз в ресторанах Нью-Йорка подавалась курица (не бройлер), которая только что бегала, или только что выведенные яйца? А рыба, которая только что плавала? Существует ли в Нью-Йорке рынок наподобие парижского Лес-Халлеса или лондонского Смитфилдса, где можно увидеть и купить свежую пищу? Сам Бонд о таком никогда не слышал. Здесь это считалось негигиеничным. Не становились ли американцы во всех вопросах излишне гигиеничными? Излишне осторожными? Каждый раз, когда Бонд занимался любовью с Соланж, наступал момент, когда, вместо того, чтобы нежиться в объятиях друг друга, она удалялась в ванную и добрых пятнадцать минут полоскала горло дезинфектором, после чего он не мог даже с ней целоваться. А таблетки от простуды? Она глотала их в количестве, которого хватило бы и на две пневмонии! И все же Джеймс Бонд улыбнулся при мысли о девушке. Интересно, подумал он, что их сегодня ждет? Разумеется, кроме ужина в "Латис" и ночи любви? Опять же, в Нью-Йорке было все, что пожелаешь. Он много слышал о кинотеатрах, в которых крутили цветные порно-фильмы со звуком! Говорят, что после их просмотра сексуальная жизнь становится во сто крат ярче. Вот куда ему нужно сводить Соланж! А еще в тот бар, о котором говорил Феликс Лейтер, где собирались садомазохистки и садомазохисты. Их униформа – кожаные куртки и повязки на предплечьях. У

садивов повязка на левом предплечье, у мазохистов – на правом. Забавно будет сходить и посмотреть на них, как он ходил посмотреть на трансвеститов Парижа и Берлина. Разумеется, в итоге он и Соланж, скорее всего, просто отправятся в "Эмберс" или же на концерт какого-нибудь ансамбля джазовой музыки, которую она так любит, ну а потом – снова любовь и дезинфектор.

Джеймс Бонд улыбнулся. Автомобиль несся по величественному мосту Трайборо-бридж к небоскрегам Манхэттена, издали похожим на зубчатые стены крепости. Ему нравилось предаваться мечтам о приятной возможности урвать часок другой для отдыха в перерывах между работой. Он любил планировать свой досуг вплоть до самой мелкой детали. И как раз сейчас он окончательно решил, что будет делать вечером, и ему нравился каждый пункт этого плана. Конечно, все может пойти не так, как он задумал, и ему придется кое-что изменить. Но это не имеет значения. Ведь в Нью-Йорке есть все, что пожелаешь...

Нью-Йорк не оправдал его ожиданий. Последствия этих отвлеченных фантазий были для Джеймса Бонда самыми плачевными. После яичницы в "Зале короля Эдуарда" все пошло наперекосяк, и вместо задуманной ранее чудесной программы Бонду пришлось сделать ряд срочных телефонных звонков в лондонскую штаб-квартиру, и только благодаря чистому везению ему все-таки удалось в полночь встретиться с той молодой англичанкой. Встреча эта проходила у катка близ Рокфеллер-центр и едва ли соответствовала минимальным требованиям конспирации: девушка постоянно редела и угрожала покончить собой. И во всем этом был виноват Нью-Йорк!.. Не говоря уже о том, что в его Центральном зоопарке нет никакого серпентариума!